

В. В. Мальцев

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается понятие последствия преступления в криминологическом и уголовно-правовом аспектах, дается четкое определение данной категории.

Ключевые слова: социальные последствия преступности, объект преступления, преступный результат, общественно опасный ущерб.

V. V. Maltsev

CONSEQUENCES OF A CRIME IN CRIMINAL LAW

In the article the author considers the notion of a crime consequence in criminological and criminal law aspects and gives the precise definition to this category.

Keywords: social consequences of a crime, object of a crime, criminal result, socially dangerous damage.

В юридической литературе проводится грань между последствиями преступления в криминологическом и уголовно-правовом аспектах. Так, еще в 1982 г. М. М. Бабаев писал: «Социальные последствия преступности — это реальный вред, причиняемый преступностью общественным отношениям, выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных негативных изменений (ущерб, урон, потеря, убытки и т. д.), которым в конечном счете подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и социальной профилактикой преступлений» [1, с. 21]. Тем не менее и сейчас В. В. Лунев констатирует, что такие последствия «практически никогда системно и целокупно не изучались и не изучаются в полной мере до сих пор в мире и в отдельных странах, в том числе и в России» [2]. Между тем именно на уровне криминализации общественно опасных деяний их последствия

должны оцениваться как социальные последствия преступности (обычно какого-либо одного вида), в общегосударственном масштабе не могут не сравниться с тяжестью социального ущерба, причиняемого конкретным общественно опасным поведением людей, и весомость социально-экономических, материальных, нравственных издержек от криминализации этого поведения, не выясняется возможность предотвращения данного ущерба другими, менее жесткими, чем уголовно-правовые, средствами. И если причиняемый определенными общественно опасными деяниями вред превосходит (иногда в силу исключительной опасности он попросту несоизмерим) издержки криминализации, а его предотвращение организационно-экономическими или иными правовыми средствами неэффективно, присутствует основание криминализации. Более того, общественно опасные последствия выступают основной объективной предпосылкой установления уголовной ответственности за совершение деяний, так как от ущерба и только от него охраняет уголовное право

общественные отношения; криминализация же деяний, такового ущерба не причиняющих, несправедлива, нецелесообразна, бессмысленна.

В уголовно-правовой науке признается, что преступные последствия — это ущерб объекту посягательства, причиняемый деянием человека. Вместе с тем вероятность этого причинения определяется по-разному. Одни авторы, как раньше, так и в настоящее время, исходят из того, что любое преступление вызывает негативные изменения в общественных отношениях, порождает общественно опасные последствия [3, с. 190—192; 4, с. 22—23; 5, с. 94; 6, с. 29—58; 8, с. 132; 9, с. 257; 10, с. 50]. Другие полагают, что не все деяния фактически наносят ущерб объекту, различают случаи создания реальной возможности причинения вреда и его фактическое причинение [11, с. 189—190; 12, с. 78—79; 13, с. 70; 14, с. 145; 15, с. 297—300]. Аргументы первой группы ученых сводятся к следующему. Преступные последствия и объект преступления тесно связаны между собой, неотрывны друг от друга. Объект преступления — это всегда элемент состава преступления, следовательно, не могут не быть элементом состава преступления и последствия. «Посягнуть — это всегда означает нанести в той или иной форме и мере ущерб объекту: посягательство, не несущее с собой ущерба, перестает быть самим собой: оно уже не «посягает». Единственное, от чего уголовный закон охраняет и может охранять объект, это от ущерба... ущерб, причиненный объекту посягательства, каковы бы ни были формы и объем этого ущерба, и является последствием, образующим необходимый элемент каждого состава преступления» [3, с. 191]. Отсюда делается вывод, что не может считаться преступным деяние, не причиняющее фактического ущерба объекту посягательства, не вызывающее преступных последствий. Нельзя не согласиться, что исключительно от ущерба и могут охраняться общественные

отношения, однако необходимо различать два аспекта взаимосвязи между понятиями «состав преступления», «объект» и «преступный результат» [16]. Это, во-первых, взгляд на соотношение преступных последствий с правоохраняемым объектом сквозь призму объективных оснований уголовной ответственности за то или иное поведение и, во-вторых, соотношение преступных последствий и структуры состава. Если в первом аспекте связь между последствиями преступления и объектом уголовно-правовой охраны неразрывная и только защита общественных отношений от ущерба обуславливает признание того или иного поведения преступным, то во втором эта связь не так однозначна, хотя и здесь роль последствий велика. Для вывода о том, что любое преступное деяние нарушает, изменяет объект преступления, просто нет достаточных оснований. Как заметила Н. В. Лясс: «Неоконченная преступная деятельность, которая вела к наступлению результата, не наносит конкретного ущерба предусмотренному составом объекту, но подвергает его опасности причинения вреда» [17]. Объект преступления — это конкретные, охраняемые законом общественные отношения, конкретные социальные блага, обладателем которых является тот или иной субъект отношения. Поэтому преступные последствия будут в наличии лишь тогда, когда действие (бездействие) нанесет вред этим конкретным социальным благам. Если охраняется собственность, то только «факт лишения собственника... возможности использовать принадлежащее ему имущество в соответствии с его назначением» [16, с. 112], а если жизнь, то лишь факт лишения жизни может быть признан ущербом (преступным последствием), нанесенным этим объектам преступления. «При конструкции составов преступлений без включения в них последствий, — писал Н. Д. Дурманов, — состав преступления будет налично и тогда, когда ни малейшего ущерба объекту не

причинено» [18, с. 40].

Дополнительные доводы в защиту концепции обязательного причинения преступным деянием ущерба общественным привели В. К. Глистин и В. С. Прохоров. «Преступный результат, — по мнению В. К. Глистина, — выражается в двух качествах: в разрыве одного отношения и создании другого, недопустимого с позиции общества отношения». И далее: «Когда посягательство объективно не способно разрушить отношение, оно (последствие. — В. М.) состоит в создании антиобщественного отношения» [5, с. 86, 105]. Вторая часть этого положения уже подвергалась обстоятельной критике [19, с. 57—58], поэтому ограничимся лишь двумя замечаниями. Первое. Деяние, объективно неспособное разрушить отношение (например, в силу малой интенсивности посягательства, дефектов субъективного свойства или пресечения на стадии приготовления либо покушения), не способно создать и новое антиобщественное отношение, так как появление последнего требует отнюдь не меньших объективных и субъективных предпосылок. Второе. Общественные отношения — это «многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности. Отдельные люди вступают в общественные отношения именно как члены (представители) тех или иных социальных общностей и групп» [20, с. 450]. Факт совершения преступления таких, пусть и антисоциальных, связей не порождает и породить не может.

«Каждое преступление, — полагает В. С. Прохоров, — независимо от его законодательной конструкции, независимо от того, удалось ли преступнику довести его до конца (а признание преступления окончанным, как известно, зависит от законодательной конструкции) или преступная деятельность была прервана на стадии покушения или приготовления, дезорганизует (участвует в

дезорганизации) общественные отношения, разрывая общественно необходимую связь субъекта преступления с другими людьми, нарушая урегулированность и порядок, внутренне присущие всем общественным отношениям» [19, с. 50]. При всей привлекательности этого утверждения полностью согласиться с ним трудно. Во-первых, оно противоречит реальной природе противоправного поведения, имеющего, как и всякое явление, две основные ступени в становлении и развитии — возможность и действительность [21, с. 315, 321], игнорировать которые, не стесняя законодателя в возможностях активного воздействия на общественные отношения, не подрывая основания ответственности за приготовление к преступлению и за покушение на преступление (ст. 30 УК), а скорее всего и социальной основы понятия преступления, нельзя. В самом деле, если на стадии предварительной преступной деятельности, как и на стадиях оконченого преступления, причиняется ущерб общественным отношениям, то не следует ли исключить из Уголовного кодекса ст. 30, все материальные составы преступлений переконструировать в формальные или усеченные и упразднить институт добровольного отказа от преступления (ст. 31 УК), поскольку перечисленные выше понятия в таком случае теряют свое содержание? Во-вторых, оно не согласуется с законодательным понятием преступления, так как смещает акценты в соотношении между преступным деянием и последствиями преступления. Преступное деяние из исходного, определяющего преступные последствия, превращается в производное, определяемое преступными последствиями. Расценивая любой «выход из общественного отношения» его участника как последствие преступления, В. С. Прохоров тем самым неверно выражает суть происходящего, так как абсолютное большинство преступлений совершается извне общественного отношения, не участниками этих

отношений. Ни убийца, ни похититель человека, ни насильник не являются субъектами охраняемых уголовным правом общественных отношений: жизни, свободы личности, половой свободы, на которые посягают. Ими являются «правообладатели» указанных благ, с одной стороны, и государство как гарант охраны этих благ — с другой. Поскольку выйти оттуда, где не находишься, никому еще не удавалось, постольку и остается единственный вариант: нарушение упомянутых объектов извне. Справедливости ради надо заметить, что в отдельных случаях «выход из общественного отношения» как способ причинения ущерба объекту возможен, например, при убийстве матерью новорожденного ребенка путем бездействия. Однако и здесь общественно опасным последствием является смерть новорожденного, а совсем не то, о чем пишет В. С. Прохоров. К тому же, считая «выход из общественного отношения» последствием преступления, мы тем самым отвергаем возможность их эффективной охраны со стороны других людей, общества, государства, признаем, что общественные отношения всецело находятся во власти нарушающих законы лиц, но это, конечно, не так. Для того, к примеру, чтобы причинить ущерб контрабандным перемещением товара установленному порядку внешней торговли, надо по меньшей мере скрыть его от таможенного контроля, что, разумеется, происходит далеко не всегда. Иначе интересы государства в этой сфере экономической деятельности были бы скорее правовой фикцией, нежели реально существующим объектом уголовно-правовой охраны. И в-третьих, оно не находит подтверждений в законодательстве. Очевиден факт, что подавляющее большинство преступлений причиняет материальный или нематериальный ущерб общественным отношениям. Вместе с тем известна группа составов преступлений (например, заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст.

122 УК), незаконное производство аборта (ч. 1 ст. 123 УК), оставление в опасности (ст. 125 УК), нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах, если это могло повлечь смерть человека (ч. 1 ст. 217 УК), ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия массового поражения, если это создало угрозу наступления тяжких последствий (ч. 2 ст. 225 УК), нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ч. 1 ст. 247 УК), по которым уголовная ответственность наступает уже при поставлении объекта в опасность причинения вреда. Искать же здесь основной непосредственный объект, отличный от основного непосредственного объекта других видов этих преступлений, — дело безнадежнее, к тому же чреватое искажением сущности данных деяний, так как не всякое нарушение правил, инструкций, приказов наносит урон охраняемому уголовным правом общественному отношению. В таких ситуациях в законе обычно проводится четкая грань между возможностью причинения ущерба и его причинением, которая закрепляется, в частности, и в санкциях упомянутых статей Уголовного кодекса. При наступлении последствий предусмотренное санкциями наказание намного суровее, чем при возникновении опасности их наступления. В подобного рода случаях получает свое выражение стремление законодателя надежнее обеспечить наиболее важные общественные отношения, эффективнее предупредить вред, им грозящий, так как установление уголовной ответственности уже за реальную возможность причинения вреда объективно уменьшает вероятность его наступления, дисциплинирует граждан в духе строгого соблюдения норм безопасности, вырабатывает их правовую культуру.

Несостоятельность позиций авторов, отвергающих ответственность за поставление правоохраняемого объекта в опасность, еще нагляднее, когда им для защиты своих концепций приходится ставить знак равенства

между преступными последствиями и возможностью их причинения [22, с. 23—24], определять ущерб в узком и широком смысле [7, с. 56], считать преступным последствием новое антиобщественное отношение [5, с. 105] или различать «сущностные» и «внешние» последствия преступления [19, с. 29]. Одним словом, для исключения из обихода понятия «реальная возможность причинения вреда», верно отражающего положение вещей, его заменяют другим.

В теории уголовного права сформулировано в целом единое понятие преступных последствий. Так, Н. Ф. Кузнецова определяет их как «вредные... изменения в охраняемых уголовным законодательством общественных отношениях, производимые преступным действием или бездействием субъекта [22, с. 10]. В. Н. Кудрявцев отмечает, что преступное последствие — это «предусмотренный уголовно-правовой нормой материальный или нематериальный вред, причиняемый преступным действием (бездействием) объекту посягательства — охраняемым законом социалистическим общественным отношениям и их участникам» [23, с. 137]. А. С. Михлин под преступными последствиями понимает «вред, причиненный преступной деятельностью человека общественным отношениям, охраняемым уголовным законом» [24, с. 16]. Е. А. Фролов определял «преступные последствия как ущерб, от причинения которого соответствующее общественное отношение охраняется средствами уголовного права» [16, с. 111].

Наиболее убедительным выглядит определение последствий преступления, данное Е. А. Фроловым. Достоинство указанного определения заключается в том, что оно охватывает последствия в преступлениях как с материальными, так и формальными, усеченными составами, так как значение общественно опасных последствий не исчерпывается только фактически причиненным

вредом. Устанавливая уголовную ответственность за тип поведения, законодатель прежде всего учитывает типовые (ожидаемые) последствия. Конструируя нормы уголовного закона, он в первую очередь оценивает тот характерный (возможный) вред, от которого эта норма будет защищать общественные отношения. При квалификации и назначении наказания сравнивается фактический вред, причиненный преступлением, с предполагаемым (типовым), и это сравнение помогает следователю и суду точно квалифицировать совершенное деяние, правильно установить общественную опасность всего преступления, а значит, и избрать справедливую меру уголовно-правового воздействия. Социальную направленность уголовно-правовой нормы, следовательно, раскрывает не только фактический, но и объективно ожидаемый от общественно опасного посягательства вред. Вместе с тем понятие преступных последствий без указания на причину их возникновения и существенные признаки будет неполным.

Итак, последствия преступления — это общественно опасный ущерб, отражающий свойства преступного деяния и объекта посягательства, наносимый виновным поведением, от причинения которого соответствующее общественное отношение охраняется средствами уголовного права.

Список библиографических ссылок

1. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. М., 1982.
2. Лунев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Гос-во и право. 2009. № 1. С. 37.
3. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951.
4. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958.
5. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979.
6. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984.
7. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.
8. Игнатов А. Н. Объективная сторона преступления // Уголовное право России: 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 1999.
9. Лопашенко Н. А. Объективная сторона преступления // Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 257.
10. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001.
11. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963.
12. Куринов В. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984.
13. Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987.
14. Мельникова В. Е. Объективная сторона преступления // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996.
15. Малинин В. Б. Объективная сторона преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. СПб., 2005. С. 297—300.
16. Фролов Е. А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность // Учен. труды Свердловск. юрид. ин-та. 1968. Свердловск, 1968. Вып. 8. С. 109—110.
17. Лясс Н. В. Стадии совершения преступления // Курс советского уголовного права / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1986. Т. 1. С. 547—548.
18. Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955.
19. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984.
20. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
21. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1: Наука логики.
22. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности.
23. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
24. Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969.

© В. В. Мальцев, 2010